

Елена Александровна Татаринцева
«Разговор с призраком,
или Безумная любовь».
Сборник стихов памяти
Джеймса Дугласа Моррисона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57355086
SelfPub; 2020

Аннотация

Джеймс Дуглас Моррисон, поэт и музыкант, легендарная личность, вот уже почти 50 лет, как он оставил этот мир. На страницах этого сборника он вновь с нами: чувствует, страдает, творит, уходит из жизни, живет после смерти. Книга заинтересует читателя, которому небезразличен образ культового музыканта.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Тоска	9
Судьба	10
Фантазия на стихотворение ДЖ. Моррисона	11
Роковой	12
Желание фаната	13
Звезда под названием «Джим Моррисон»	14
Воскресни, Джим...	15
Один	16
Ты думаешь, когда умру я...	17
Конец	18
Весна в Париже	20
Последний проклятый поэт	21
Портрет	22
Без ответа	23
Паранойя	24
Промысел Божий	25
Зов	26
Где живёшь ты...	27
Депрессия	28
Мой ангел, зачем ты так рано ушёл?	29
Надлом	30

Мустанг	31
Ко дню Рождения Джеймса Дугласа Моррисона	32
Последние сутки	33
Зимняя любовь	35
Живой	36
Не смотри на дождь...	37
Спи спокойно, чёрный ангел...	39
Я люблю твою душу, ангел...	40
Уход	41
Кто не был молод...	43
Ты	44
Ты задумчив стал...	45
Божий Дар	46
«3 июля 1971 года»	47
Ко дню рождения. «Встреча с Оскаром Уальдом»	48
Разговор с Богом	49
Отчаяние	50
Я хочу ворваться в твою жизнь...	52
Ожидание	53
Ко дню рождения Джима Моррисона	55
Странники в ночи	57
Безумная любовь	59
День погребения. 7 июля 1971	62
Моему Джиму. Гимн	63
5 июля 1968 года, перед концертом	65

Лабиринты твоей души	67
Ко дню рождения, посвящается...	68
Сон	69
Возвращение	71
По песчаному пляжу «Венеции»	72
Ты прекрасен в любом окруженье...	74
Джим и Мик	77
Ты- моя депрессия...	79
Фантазия на стихотворение Джима Моррисона	80
Неистовый, правдивый, роковой...	82
Если бы...	83
Мне тебя бы оставить в покое...	84
Ко дню смерти, 3 июля 1971.	85
Часть вторая	87
Дом на холме	94
Творческий вечер.	97

Предисловие

Группа «The DOORS» появилась в моей жизни неслучайно. Предательство близкого человека, его болезнь и несвоевременный уход из жизни—всё это уничтожило, буквально выжгло мою душу. Пустота – внутри, темнота вокруг. Незадолго до смерти он подарил мне диск группы «The DOORS». Мрачная и одновременно красивая музыка заполнила мое сердце, а образ Моррисона поселился в нем. Джим Моррисон, мой Джим! Многострадальный, проклятый поэт, романтик, бунтарь и шаман! Ему, вернувшему меня к жизни, посвящаю эти стихи.

Часть первая

Двери восприятия

Раскрыв нам двери воспрятья, ты первый в них войти
стремился,

И вот, вошёл, и нет тебя, и до сих пор не возвратился.
Ты был свободен и беспечен, был молод и умел любить,
Но по рассеянности как-то забыл ты двери затворить.
И, вот я у дверей и вижу, как солнца много, всё сверкает,
И где-то далеко твой голос луну с тоскою воспеваает.

Мой ангел, ты любим и знаешь...
Так долго где-же ты летаешь?
Вот сорок лет, как канул в вечность,
А мне оставил бесконечность
Тоски и неизбывной муки
И песен своих странных звуки...

Призрак

Твой голос смолк, на полке диск, и в комнате совсем тем-
но,

Сижу одна, и лишь луна следит за мной через окно.
Закрыв глаза, я вижу, как тыходишь в комнату ко мне,
Весь в коже, бледен и красив, с горящим взором на челе,

Волна божественных кудрей лежит, покоясь на плечах,
Знакомый пояс чуть блеснул, полуулыбка на устах.
Войдя и оглядываясь вокруг, ты видишь диск и свой портрет,
И стало грустно так тебе, как никогда за сорок лет...

Жизнь на Пер-Лашез

Мой ангел с чёрными кудрями давно уснул на Пер-Лашез,
Сверкнув звездой на небосклоне, кометой быстрою исчез.
Тебе не скучно здесь, мой ангел, Эдит Пиаф шансон споёт,
Шопен ноктюрны проиграет, Мольер комедию прочтёт,
Ну, а когда наступит полночь, часы пробьют двенадцать раз,
Оскар Уальд о приведеньи тебе поведаст рассказ.

Тоска

Мне бесконечно жаль, что в этой жизни мы не увидимся с тобою, Джим...

И от волны, нахлынувшей на берег, мы, взявшись за руки, не побежим.

Ты не расскажешь мне, как ты скучаешь и помнишь о своей семье,

О том, как песни сочиняешь – ты тоже не расскажешь мне.
Я не увижу твоего веселья, как счастьем загораются глаза,
В печали тебя тоже не увижу, когда скупая катится слеза,
Но мне остались твои песни, ты в них горишь, ты в них живёшь,

Ты в них тоскующему сердцу огонь желания несёшь!
И всё же жаль, что в этой жизни мы не увидимся с тобой,
Но есть надежда повидаться с тобою в жизни неземной...

Судьба

Зачем ты так любил свободу, был несвободен от страстей,
Они жестоко оборвали цепочку твоей жизни дней...
Ты был не глуп, ты был не слаб и мог бы всё преодолеть,
Но выбор твой, увы, другой отдаться страсти и гореть!

Боль сердца своего старался ты криком рока заглушить,
Но голос быстро оборвался и сердце больше не болит...
Ты был не глуп, ты был не слаб и мог бы всё преодолеть,
Но жребий твой, увы, другой – отдаться страсти и сгореть!

Фантазия на стихотворение ДЖ. Моррисона «Неизвестный солдат»

Над Вьетнамом льёт кровавый дождь, тысячеголосый стон
вознёсся в небо,

О солдате песню ты поёшь, что пришёл домой, где долго
не был.

Радуюсь, спешит навстречу мать, и отец, волнуясь, курит
трубку,

Брат с сестрой бегут его обнять и увидеть вновь его улыбку!

Ты поёшь и кажется тебе, словно это ты домой вернулся,
И закрыв глаза, своей мечте ласково и робко улыбнулся...

Над Вьетнамом льёт кровавый дождь, тысячеголосый стон
вознёсся в небо,

О солдате мёртвом ты поёшь, что пришёл домой, где долго
не был...

Роковой

В тебе нет фальши и полутонов,
Ты здесь, сейчас, и ко всему готов,
Но чёрный ангел за спиной стоит,
Тебе он шепчет, что-то говорит,
И льётся сладкий яд из уст его,
Но ты тогда не понял ничего!
И закипела страсть в душе твоей
Разрушить жизнь свою, и поскорей!
Дойти до самого последнего предела
Свободу дать душе, разрушив тело!

Ты устремился в чёрный лабиринт,
И по тебе уж колокол звонит,
Ты понимаешь – нет пути назад,
Ты понимаешь, что стремишься в ад,
Жестокой направляемый рукой,
Чтоб в жизни вечной потерять покой...

Великий Боже, Ты прости его
Заблудшего ребёнка своего!
Прости его, как нас учил прощать,
Верни Свою Любовь и Благодать!!!

Желание фаната

Если кто-то мне скажет – Джим Моррисон жив,
Он по-прежнему молод, талантлив, красив,
Что в Париже живёт, сочиняет стихи,
И не в чёрном аду осуждён за грехи,
Я поверю ему, ведь прошло столько лет,
Бог простил ему всё и грехов больше нет!
А, талант, подарил Он который ему,
Ведь на небе не нужен совсем никому.
Ждут фанаты, тоскуют о нём на земле,
И его одного только видят во сне!

О, Господь! Пожелай же его воскресить,
Чтоб талантом своим он мог людям служить,
Ты зажги в нём огонь, духов дай проводить,
И на землю вели поскорее спустить!

Звезда под названием «Джим Моррисон»

Ты – ангел в чёрном оперенье,
Ты – проповедуешь Любовь,
И неземное притяженье
Влечёт к тебе всё вновь и вновь.

Когда выходишь ты на сцену,
И начинаешь свой «The End»,
На небе вспыхивают звёзды,
К тебе ревнуя в тот момент.

Был ангел в чёрном оперенье -
Теперь -далёкая звезда,
И жизнь твоя в сиянье вечном,
Но и в безмолвии всегда...

Воскресни, Джим...

Воскресни, Джим, минут на пять,
И крепко дай тебя обнять,
Почувствовать, что ты – живой,
Потрогать волосы рукой,
Коснуться до лица и рук,
Услышать сердца ровный стук,
Движенья губ, сиянье глаз
Увидеть только один раз!
Узнать твой голос и тогда
Уже расстаться навсегда!
Воскресни, Джим на пять минут
И навсегда останься тут!!!

Один

Любовь отца, сестры и брата
Фанаты, Джим, не подарят,
Нельзя сравнить восторг фанатов
И доброй мамы кроткий взгляд.
Ты одинок, как чёрный ангел,
Скитающийся по земле,
Свою тоску в вине ты топишь,
А он же – во всемирном зле.

Никто тебе помочь не сможет,
Зачем ты мучаешь себя?
Обиду выкини из сердца,
Не отрекаются любя.

Ты думаешь, когда умру я...

Ты думаешь, когда умру я,
И вознесётся дух мой высоко,
Тебя я в сонме ангелов не встречу,
И отыскать тебя мне будет нелегко?
Не думай так! Во что бы то ни стало
Я отыщу тебя, мой друг!
И пусть для этого придётся
Всю землю облететь вокруг!
Луна, воспетая тобою,
Мне с радостью осветит путь,
Лишь, об одном прошу:
О нашей встрече ты Бога попросить не позабудь!

Конец

Ты не желал ходить, как всякий смертный,
Тебе бы оторваться и лететь,
И высоко паря под небесами,
На нашу землю грешную смотреть.
И вот, раздвинув тесные границы
И разорвав оковы бытия,
Ты устремился ввысь, расправив крылья
И радуясь свободе, как дитя.
Как хорошо вокруг: темно и звёздно!
И нет восторгу твоему конца,
И в этой темноте тебе навстречу
Проносится созвездие Стрельца,
Проносится и многое другое:
И те, что умерли уже давно,
И те, кому родиться снова
Когда-нибудь судьбой предрешиено,
Прносятся несметные полчища
Убитых на войне солдат,
Священников, монархов вереницы,
Бросающих в тебя холодный взгляд,
И понемногу твой восторг свободой
Куда-то незаметно отступил,

Здесь холодно, темно, тоскливо, страшно!
И ты по дому загрустил.

И устремившись вниз с такой-же страстью,
С какой когда-то ввысь летел,
Ты тотчас оказался дома,
И в тот же час окаменел:

В наполненной водою белой ванне,
Кудрей раскинув чёрный водопад,
Лежал, как Бог красивый парень
И будто спал на первый взгляд,
Черты, знакомые до боли
И струйка алая из губ тебя пронзили,
И ты понял: перед тобою был твой труп...

Весна в Париже

Случилось так, что дом твой стал Париж,
Ты запер прошлое и ключ потерял,
Себя ты хочешь снова обрести,
Очистить воспрятья двери.
По кладбищу гуляя Пер- Лашез,
Ты жадно ищешь вдохновенья
У тех, кто был когда-то знаменит,
Творенье чьё обходит тленьё.
Неумолимо время... Ты давно
Уж с теми, у кого искал совета,
И я теперь брожу по Пер- Лашез
И на свои вопросы жду ответа...

Последний проклятый поэт

Опять тоска, в твоей руке бокал,
Ты смотришь сквозь него и на мгновенье—
Вдруг понимаешь, что не одинок,
Но вновь тебя томят сомненья...
Вот в кресле у камина, и огонь
Ты просишь поделить с тобою с тобою бремя.
Как жаль, что ты не знал тогда,
Что над тобой не властно будет время!
Как жаль, что ты не знал тогда,
Что голос твой прорвётся сквозь столетье!
Последний, всеми проклятый поэт,
Навеки обретёт бессмертье!

Портрет

Одиноко в московской квартире,
Осень, клён шелестит за окном,
На коленях с раскрытою книгой,
Мы застыли с тобою вдвоём.
Ты хорош, как низвергнутый ангел,
И, наверно, настолько же горд,
Власть и гордость невольно внушает
Твой красиво очерченный рот,
Смотришь ты так пронзительно-страстно,
Что перечить возможности нет,
Нелегко удержаться в границах,
Если б не был ты просто – портрет,
Нелегко осознать и смириться,
Что ушёл ты давно, много лет.
Для меня, ты – живой,
А не просто – за стеклянную рамкой портрет!

Без ответа

Скажи мне, как же так случилось,
Кто виноват в твоей судьбе,
Завеса ночи опустилась,
Ты оказался в темноте?
Ты – сгусток солнечного света!
Звезда, сошедшая с небес!
Ты, как летящая комета,
Несущая свой странный блеск!
Как бриллиант, что из шкатулки
Судьба-воровка извлекла,
Поймав игру его на солнце,
В шкатулку тотчас заперла.
И больше ты не засверкаешь,
Ты навсегда от нас исчез,
Как бриллиант на дне шкатулки,
Лежишь в могиле Пер- Лашез...
И солнца луч, что пробуждает
Живое к жизни всё вокруг,
Лица прекрасного коснувшись,
Не пробудит тебя, мой друг...

Паранойя

Мой ангел! Когда я увижу тебя?
Тоска беспощаднее день ото дня,
Ты в мыслях моих неотступно сидишь,
За мною с портрета ревниво следишь,
Мне песни свои напеваешь везде,
Когда мы с тобою увидимся, где?
Тоска беспощаднее день ото дня,
Быть может, во сне я увижу тебя?
А если не сможешь явиться во сне,
Ты спустишься белым туманом ко мне?
Бесшумно скользит по ковру силуэт,
Знакомый до боли, сомнения нет,
Сгустился туман, проступили черты—
Улыбка, глаза – понимаю, что ты!
Совсем уже близко, коснуться рукой,
Я вижу тебя, ты не мёртвый – живо!
Ударил в лицо ослепительный свет,
Глаза открываю – тебя уже нет,
Блестающий день улыбается мне,
И я понимаю: всё было во сне.

Промысел Божий

Как тяжело на свете жить!
Не суждено тебя увидеть,
Но нет возможности забыть...
Скрываясь долго в темноте,
Явился, чтоб меня утешить,
Я знаю, кем ты послан был,
Он есть – Добро! Он возлюбил
С тобою нас сильнее Себя:
Мне дал – тебя,
Тебе – меня!
И эта мудрость так проста!
Я за тебя молюсь отныне,
Тобой закрыта пустота!

Зов

Явись, мой друг!

Взойди на сцену, возьми забытый микрофон,

И спой как прежде «Light My Fire»,

И застучат вокруг сердца,

И вспыхнет в них огонь желанья,

И о тебе воспоминанья нас не оставят до конца!

Где живёшь ты...

Где живёшь, ты? – наверно, в чудесной стране,
Где свободно поётся тебе при луне,
Где нет горя, болезней, страдания и лжи,
Там, куда и захочешь не добежишь,
Там Хозяин, что носит терновый венец,
Там тебе уготовлен счастливый конец,
И не тот, называешь который THE END,
А который есть – Жизнь,
Побеждающий смерть!
Здесь тебе хорошо, ты возлюблен Отцом,
Здесь теперь твой последний, единственный Дом!!!

Депрессия

Взгляни, любимый, как вокруг темно!
И так темно вокруг меня давно.
И лучше всех причину знаешь ты,
Причину этой страшной темноты.
Когда поёшь – мне радостно, светло,
Я забываю, что ты мёртв давно,
Лишь только голос замолкает твой,
Терзает сердце мутный непокой,
И вырваться из крепких рук его
Нет сил – я связана с тобой...
А если бы и силы обрела,
Я эту связь бы не оборвала!
Общение душ даровано судьбой,
Но сердце гложет мутный непокой –
Твой голос слышу – ты не слышишь мой...
Короче жизни нить день ото дня,
Настанет час – увижу я тебя,
В тот самый миг, как встретимся с тобой,
Оставит сердце мутный непокой,
И там, где все прощаются грехи
Я, наконец, прочту тебе стихи...

Мой ангел, зачем ты так рано ушёл?

Мой ангел, зачем ты так рано ушёл?
Нашёл своё счастье? – конечно, нашёл!
А, как на земле ты был всеми любим!
Не каждому дарят сверкающий нимб,
Не каждый сумеет толпу покорить,
Не каждый достоин корону носить,
Не каждый позволит войти в свою дверь,
И сможет быть счастлив при этом, поверь!
Ты дверь распахнул и огонь свой зажёл,
Чтоб каждый вошёл, кто душой одинок,
Чтоб каждый, читая твой огненный стих,
Себя как реальную сущность постиг!

Надлом

Беснуется толпа, но ты взойдя на сцену,
Петь не спешишь – сковало сердце льдом,
Ты смотришь сквозь волнующиеся тени и
К горлу подступает ком,
И, бросив публике любимые куплеты,
Бросаешь об пол микрофон,
Как жажду утолить толпы стозевной,
Когда сосуд опустошён?!...

Мустанг

Подобно чёрному мустангу,
Свой дикий нрав сдержать не в силах,
Промчался ты по этой жизни
Свободный, дерзкий и красивый!
Поправ моральные устои,
Ты знал и стыд, и боль паденья,
На сцене страстью одержим,
Ты знал и первое волнение,
Не прожил ты чужую жизнь,
И верен был своим законам,
А главный твой закон один –
Чтоб быть свободой окрылённым!
И сколько не старалась жизнь,
Но не смогла узду одеть,
И быстрого мустанга
Остановила только смерть!

Ко дню Рождения Джеймса Дугласа Моррисона (8. 12. 12 год.)

С днём рожденья, любимый!
Прошло столько лет,
Но тебя обошёл увядания след,
Ты такой же остался, как был – молодой:
Голубые глаза, кудри чёрной волной,
Гибкий стан, дерзкий взгляд,
Необузданный нрав, в сердце – битва страстей,
И из кожи наряд!
Ты останешься вечно такой молодой...
В двадцать семь ты узнал,
Что есть – вечный покой,
В двадцать семь ты закончил свой путь на земле,
И всегда молодой улыбаешься мне!
С днём рожденья, любимый!

Последние сутки

Сгустились тучи, и кольцо сомкнулось,
Не мог не чувствовать ты свой последний день,
Июль прекрасен, но тебе взгрустнулось,
Ты бродишь по Парижу, словно тень.
Твой друг – он был с тобой,
Насколько можно, и снял с тебя печали груз,
Но как вернуть страдающему сердцу
Былой восторг и жизни вкус?
Сбегая от тоски, ты в сумрак кинозала
Вошёл и растворился в нём,
Фильм кончился, но давит одиночество
Стальным кольцом,
На воздух! Фиолетовая полночь зовёт с собой,
Нет сил! И, почему- то, сами ноги идут домой.
Ты знал, что здесь устроила ловушку сама судьба,
Терзаемый страстями знал – проиграна борьба,
Волнуется луна, льёт на тебя прозрачный свет,
Но ты опять страстям сказать не можешь – нет!
И мечется душа, не может обрести покой,
Боишься улететь и потерять свой путь домой...
Ты, может, не хотел, но, всё – таки, случилось так,
Что твой огонь угас и сердце погрузилось в мрак,

Никто не дал огня, и ты его зажечь не смог,
Но там, где ты теперь, зажечь его поможет Бог!
Блуждают огоньки, играют в прятки под луной,
И здесь, на Пер- Лашез, есть самый яркий,
Это – твой!

Зимняя любовь

Мой ангел, ты моё спасенье!
Ты для меня весь шар земной!
В тебе одном моё забвенье,
В одном тебе и непокой!
Хочу смотреть я долго – долго,
В ту темноту, что за стеклом,
И видеть, как мороз рисует
Портрет твой сказочным резцом!
Хочу, что б с неба наклонившись,
Ты заглянул в моё окно,
И чтобы все слова услышал,
Что я хочу сказать давно...

Живой

Эти годы, что нас разделяют, всё – пустое,
Нет тебя, но на земле в тебе лишь всё живое,
Ты живёшь, поёшь и по – другому быть не может,
Ты вошёл, стоишь – я чувствую твой «запах кожи»
Не спеши! Постой! Остаься на мгновенье!
Только улыбнись и всё – продли моё забвенье!

Не смотри на дождь...

Не смотри на дождь, что за стеклом,
Он как тот шаман в тебя войдёт,
Завернёт в холодный серый плащ
И к тоске с собою уведёт.
А, тоска – зелёные глаза,
Влюблена в тебя давным – давно,
И спешит обнять тебя скорей,
На душе пока твоей темно.
Прогони тоску, что за спиной!
Не смотри на дождь, что за стеклом!
Старый плащ срывая с плеч долой,
Не грусти, не мучься о былом!
Но разбив зловещее стекло,
Ты ушёл и растворился в ночь,
А шаман в разбитое окно
Мне сказал, что больше не придёшь!
Я теперь всегда смотрю на дождь,
Песнь его, как реквием звучит,
Жду тебя, но знаю – не придёшь,
Мне о том по крыше дождь стучит...

* * *

Когда раскинет ночь шатёр свой звёздный,
И твой бесплотный дух вернётся в плоть свою,
Ты спустишься с небес, красивый и серьёзный,
Взглянуть на прежнюю юдоль свою.
Ты побываешь там, где в окруженьи группы
Америки любовь снискал,
И может, загрустишь безмолвно пролетая,
Где жертвою позора пал,
И понимая вдруг, что не ушёл бесследно,
Толпе подростков оглянувшись вслед,
Услышишь голос свой, с той стороны Вселенной,
Когда прошло уж сорок лет...

Спи спокойно, чёрный ангел...

Спи спокойно, чёрный ангел, твой огонь давно угас,
Но стихи твои и песни до сих пор в сердцах у нас.
Пусть они немного странны, пусть тоскливы и темны,
И настойчиво внушают, дни, что наши сочтены.
Ты по тонкому канату, между небом и землёй
Балансируешь на грани, проповедуя любовь.
Призывая к нежной страсти, вдруг срываешься на крик,
Словно лезвие кинжала в сердце этот крик проник!
Не струится кровь из раны – сердце музыкой полно!
И любовью, и печалью переполнено оно...

Я люблю твою душу, ангел...

Я люблю твою душу, ангел,
Я молюсь за неё в ночи,
Я всегда тебя слышу, ангел,
Даже если ты просто молчишь.

Знаю, там, далеко, у Бога
Ты узнал, что такое Любовь,
Не суди мою слишком строго,
За тебя молиться позволь!

Ведь Любовь моя – это просто вся земная печаль моя,
Ведь любовь моя – это просто: это просто—любовь моя...

Как же сладко, тоскливо и больно это чувство в себе носить!

Как же сладко, тоскливо и больно, мой любимый, тебя любить...

Уход

Ты – в небе, самолёт несёт тебя в Париж,
Всё позади: и слава, и позор,
И муза нежная склонилась на плечо,
И ясен, и прозрачен взор.
Париж! Париж! – искусства торжество,
Возьми бродягу в колыбель,
Прими его в объятия свои
И мысли мрачные развей.
Но, заглянув души твоей до дна,
Вспорхнула муза и умчалась прочь,
А на столе стоял бокал вина,
И за окном дремала ночь.
И тысяча зловещих тёмных сил
Безмолвно встала за твоей спиной,
И каждая из них себе твердит:
«Он – мой! Он – мой! Он – мой! Он – мой!»
Но ты – поэт, земное Божество!
И ангелом хранителем любим,
В тот самый миг, когда твой взор застыл,
Он рядом был, печален и незрим.
Вмиг белым оградив тебя крылом,
Он спас тебя от жадных рук,

Стремящихся забрать тебя
На испытанье вечных мук.
И, вот у двери ты, той самой,
Что всегда в мечтах своих старался отворить,
Разлился яркий свет, объял своим теплом,
И ты не можешь говорить,
И мощная волна невиданной Любви,
Какой никто не знает на земле,
Взяла тебя в объятия свои,
А песни подарила мне...

Кто не был молод...

Кто не был молод, тот не ошибался -
Как справедливо сказаны слова,
И пусть, вменяет тысячу ошибок
Тебе упорно беспощадная молва,
За сладкой ложью пусть тебя паскудят,
Но знает мир давно, что победителей не судят!

Ты

Образ твой в морской волне,
Образ твой в лучах заката,
В том далёком летнем дне,
Что умчался безвозвратно,
В лунном небе тоже ты
Робко мне звездой мерцаешь,
И в полночной тишине
Ветерком с листвою играешь,
Плачет осень за окном:
По стеклу бегут дорожки,
Этот дождик – тоже ты,
Просто ты взгрустнул немножко,
Всё кругом белым- бело,
В вальсе кружатся снежинки,
Снег пушистый – тоже ты,
Ты сверкаешь в каждой льдинке!
Зажурчали ручейки, всё цветёт, любовью дышит,
И в признаньях под луной снова мне твой голос слышен...

Ты задумчив стал...

Ты задумчив стал, тебе не спится
И друзей умерших видишь наяву,
« Очередь за мной!» – в виске стучится
« Для чего на свете я живу?
Сколько мне ещё страдать придётся?
Чувствую, что близок мой предел,
Чувствую, что скоро отворится
В бесконечность запертая дверь!
И тогда, свободный и счастливый
Я уйду и больше не вернусь!
Знаю, только там меня оставит
Никогда не оставляющая грусть,
Знаю, только там я буду счастлив,
И расстаться с жизнью не боюсь!
Я уйду, чтобы родиться снова!
Я уйду и больше не вернусь!»

Божий Дар

Загадка –жизнь! Её не разгадать!
Что истина? – никто не знает,
И пусть совет мудрейших мудрецов
Напрасно себе голову ломает.
И я не знаю, как произошло,
Ты в жизнь мою вошёл и в ней остался,
Ты – дух, ты – неземное существо,
Наверное, от Бога мне достался,
И сорок лет страдая за грехи,
Был обречён, но Бог явил прощенье,
И даровал тебе мою любовь,
А мне любовью этой утешенье...

«3 июля 1971 года»

На Пер—Лашез спустилась ночь, и призрачный туман
Раскинул белый саван свой,

Где спит любимый мой.

Луна струит свой жёлтый свет, безмолвие вокруг,

Лишь одинокая звезда

Дружна с тобой всегда.

Вступает в силу новый день, и ты не одинок,

Тебе несут свою любовь все те, кто любит рок,

Ворвутся шумною толпой, нарушат вечный сон,

И ты услышишь над собой бокалов нежный звон,

Прочтут тебе твои стихи, как много лет подряд,

И будут долго вспоминать, и будут звать назад.

Ведь это день, когда ушёл из этой жизни ты!

Ведь это день, когда всегда несут тебе цветы!

И будешь слушать и скучать по тем чудесным дням,

Когда огонь своей души дарил ты щедро нам,

И жили все твоим теплом, и жили все тобой,

Но ты ушёл и навсегда огонь унёс с собой!

На – Пер—Лашез спустилась ночь, всё погрузилось в

мрак,

И слышен только ветра вой, где спит любимый мой...

Ко дню рождения. «Встреча с Оскаром Уальдом»

Вы познакомились на Пер- Лашез:
Он был—эстет, питал любовь к искусству,
И вас сроднило это чувство,
Хотя давно обоих нет.
Но есть чудесные прогулки под луной,
Как только полночь о себе пробьёт устало,
Возникнет об искусстве спор живой,
И жизни ваши потекут сначала.
Великое Искусство! – для него вы жили и страдали
В этом мире,
А не имея сил ему служить,
Безропотно из жизни уходили!
Великое Искусство! – Лишь о нём,
Два призрака, пронзённых лунным светом,
Ведут свой бесконечный разговор, как
Вечный спор художника с поэтом...

Разговор с Богом

Господи! Наверное, Ты знал,
Стало тяжело мне любить земного,
И его забрал, а для любви
Подарил мне мёртвого, другого.
Он давно покинул этот мир,
Но его я вижу, слышу, знаю и люблю,
И этот мудрый дар с радостью великой принимаю!
Он страдал, но мне не даст страдать,
И на дно порока опуститься.
Господи! Тебя благодарю,
Что мне дал любовью насладиться!

Отчаяние

Мой любимый не приедет,
Мой любимый не придёт,
И по трапу самолёта ранним утром не сойдёт,
Без него красавец- лайнер океан пересечёт,
Без него его куплеты кто-то плохо пропоёт,
Непохоже, как-то странно захотят тобою спеть,
Не хочу я это слушать! Не могу я фальшь терпеть!
Спой, мне Джим! Я буду слушать и умчаться далеко
Мои мысли, мои чувства, где свободно и легко,
Где гуляешь беззаботно, прожигая жизни дни,
Иногда взгрустнув немного, что кончаются они.
Спой, мне Джим! Я буду слушать, как прекрасен лунный
свет,
О солдате неизвестном, что войне прощенья нет,
Спой, что люди очень странны, и всему конец придёт,
И большой корабль хрустальный в царство света приплывёт,
Как промокшие до нитки мчатся всадники в ночи,
Спой, мне Джим! Я буду слушать, спой, мне, что же ты
молчишь?!
Ты молчишь... тебя уж больше не волнует свет луны,
Ведь тому, кто в царстве света тени больше не нужны...

Но спустилась ночь, и город погрузился в сладкий сон,
И опять твой голос слышен, и меня волнует он...

Я хочу ворваться в твою жизнь...

Я хочу ворваться в твою жизнь,
В твои мысли, чувства, быть с тобой,
Но спиральи мне не разогнуть—
В этой жизни – я, а ты – в другой...

Ожидание

Спустись по звёздам лунной ночью,

По крышам заспанных домов,

Войди и горький одиночества

Сорви докучливый покров!

Я буду ждать: наступит полночь,

Забрезжит синевою рассвет,

Когда мой дом окрасит розовым

Великолепный солнца свет.

Я буду ждать: звенящий полдень –

Пылает жаром небосвод,

Скатилось солнце красным шаром,

Собой окрасив горизонт.

Я буду ждать: наступит полночь,

И звёзды выстроятся в ряд,

И ты придёшь, и я узнаю твой чёрный кожаный наряд!

О чудный миг желанной встречи, ты не наступишь никогда!

Тебя увидеть– это значит расстаться с жизнью навсегда!

Тебя увидеть– это значит дверь в бесконечность распахнуть!

Тебя увидеть– это значит с улыбкой в никуда шагнуть!

Шагну, чтоб в солнце раствориться и встретиться с твоей

душой,

С ней навсегда соединиться и вечный обрести покой!

Ко дню рождения Джима Моррисона Взгляд

Я знаю твой взгляд с того света,
Он разный бывает подчас,
То ангел тоскующий смотрит,
Молитву творящий за нас,
То чудится мне, что из мрака
Следит напряжённо за мной
Рептилии взгляд неподвижный,
Пронзая насквозь, как живой.
Но мне очень близок и дорог,
Твой взгляд как поэта на мир,
Отбросив метафор узоры,
Он заново жизнь мне открыл!
Причудливы мрачные вирши,
Твоей отраженье души,
И странны твои афоризмы,
И смертью от них порошит.
Ты мир отражая, разбился
На тысячи мелких кусков,
И в каждом из них отразился

Твой искренний взгляд из стихов:

«Прорвись!» – он кричит с того света,

«Открой!» – он мне шепчет в ночи,

«Войди! – и за дверью за этой

Зажги свой огонь и живи!»

Странники в ночи

Бесконечно длинная дорога,
Милый странник, оглянись назад,
Задержись со мной ещё немного,
Подари мне свой прощальный взгляд!
Странные, неведомые силы
По какой-то прихоти чудной,
Взяв меня, с тобой соединили,
Словно крепким зельем опоили,
А теперь зовут тебя с собой...
Ты – уйдёшь! – и этот микрокосмос,
Что твой образ сотворил во мне,
Он – погибнет, и погаснут звёзды,
Не светить загадочной луне!
С кем мне бунтовать? К чему стремиться?
Я хочу к тебе, бегу людей,
Тороплюсь домой тобой забыться,
Бросить целый мир и раствориться
В бесподобной музыке твоей!
Я держу тебя, не отпускаю
И, закрыв глаза, стою в дверях,
О разлуке мысль не допускаю,
Но с тобой уйти мешает страх.

Тут сквозняк взорвал мою причёску,
И свистящий за моей спиной,
Злясь, толкнул меня в твои объятия,
И со злом захлопнул дверь за мной!
Бесконечно длинная дорога,
За спиною запертая дверь,
Ты уже – не одинокий странник,
Я с тобою странствую теперь...

Безумная любовь

Моя любовь – больная, замёрзла и дрожит,
И ртутный шарик страсти до «сорока» бежит,
Вот- вот стекло взорвётся,
Начнётся сладкий бред,
И голос твой прорвётся
Свось разума запрет!
Моя любовь больная,
Ну что с неё спросить,
От жажды умирая,
Совсем не просит пить
Не хочет быть сегодня,
Не хочет завтра быть,
А хочет всю сначала
С тобою жизнь прожить!
Моя любовь – больная,
Ей не дано понять –
Нельзя родиться снова и
Снова умирать,
В одну и ту же реку –
Два раза не войти,
Тебе одной дорогой –
Два раза не пройти!

Больную безнадёжно
В объятия взял морфей,
И чудные виденья,
Жалея дарит ей:
И снится ей калитка
В роскошный летний сад,
Где редкие деревья
В безмолвии стоят,
Где алых роз бутоны
Друг с другом говорят
И нежным ароматом
Ласкают и поят,
Там узкая тропинка
Бежит в сырой траве,
И видится ей только,
Что видится во сне:
Раскинувшись под дубом, спит молодой поэт,
Свернув под головую свой кожаный жакет,
Он очень утомился и звук её шагов
Его не потревожил, и не нарушил сон,
Блаженная улыбка томится на устах,
Запуталась букашка в кудрявых волосах,
Бесшумное дыханье слегка волнует грудь,
Тетрадь листает ветер, желая заглянуть,
В траве, неподалёку, янтарный глаз блестит,
Стихи и сон поэта он верно сторожит,

И стража изумрудом горит стальной наряд,
И держит наготове он смертоносный яд...
Моя Любовь – больная, и смерть ей не страшна,
Её искала в жизни, и лишь во сне нашла,
Сквозь розовый шиповник, из ран сочится кровь,
К любимому бежала безумная Любовь!
Колени преклонила, и лишь коснулась рук,
Услышала шипенье неподалёку вдруг...
Крик ужаса и боли пронзил поэта сон,
В траве лежала дева, её не знает он,
Над нею наклонившись, поймал застывший взор,
А по траве струился чешуйчатый узор...

День погребения. 7 июля 1971

Тихо дремлет в солнечных лучах
Город под названьем «Пер- Лашез»,
Не нарушит этой тишины
Одинокий траурный кортеж.
Вот и наступил тот самый день,
Только был ли ты к нему готов,
В город детства своего войти,
В город своих самых сладких снов?
Жизнь твоя, как молния в ночи—
Ослепила и умчалась прочь,
Сколько нужно сил в себе найти,
Силу притяженья превозмочь!
Не смогла поэта- бунтаря
Жизнь в своих объятьях удержать,
Смерть всегда жила в твоих стихах,
Смерть всегда была тебе под стать!
Одинок на могиле цвёл
Маленький искусственный цветок,
Он посажен был одной вдовой,
Никогда не слышавшей твой рок...

Моему Джиму. Гимн

Джим Моррисон- это крик!
Джим Моррисон- это стон!
Джим Моррисон- это боль!
Джим Моррисон- это Любовь!
Парнишка стеснительный Джим,
Мал кем в жизни любим,
Преодолевая боль,
Добудет себе Любовь!
Поэта нелёгкий путь-
Как важно в жизни рискнуть! –
Он выбрал, и став звездой,
Всех повёл за собой!
Джим Моррисон- это крик!
Джим Моррисон- это стон!
Джим Моррисон- это боль!
Джим Моррисон- это Любовь!
Случилось, как он и мечтал:
Полный зрительный зал,
Раскрылись сердца в унисон,
И в них поселился он!
С тех пор, и тому нет конца,
Он властвует в этих сердцах,

Крик боли его и стон

В них породили Любовь!

Джим Моррисон- это крик!

Джим Моррисон- это стон!

Джим Моррисон- это боль!

Джим Моррисон- это Любовь!!!

5 июля 1968 года, перед концертом

Ты смотришь, устремившись в пустоту,
Не шевелясь на стареньком диване,
Тебе сегодня покорять толпу,
Вернись на землю, дух- изгнанник!
Твои летают мысли далеко,
Всё- суета сует и я- песчинка в мире!
Одна лишь смерть всегда во всём права...
Тут прозвенел звонок в его квартире.
Нежданный гость- известная звезда,
Явился в логово поэта,
Чтобы узнать секреты мастерства,
Успеха твоего секреты.
Убогий серый интерьер
Смутил английского эстета,
Как появляются на свет здесь
Мрачной красоты куплеты?!
Откуда в этой темноте
Поэт черпает вдохновенье,
Чтобы на сцене призывать
Толпу слепую к просветленью?
И понял он, что чудо формул нет,
Ты- весь такой, как есть на суд людской выходишь:

Бунтарь, шаман и проклятый поэт,
И божьим промыслом в сердцах Любовь находишь!!!

Лабиринты твоей души

Прошу, оставь открытой дверь-
Дверь в тайники твоей души!
Я так люблю по ним бродить!
Они так мрачно хороши!
Внимать безмолвно красоте,
Стихи с тобою сочинять,
Твоей быть верной правоте,
Твои страдания разделять.
Блуждая в лабиринте слов,
Пусть десять раз его пройти!
Бежать на песен твоих зов,
Стараясь выход не найти!
В твой мир, оставь, открытой дверь!
Он мне дороже всех миров!
Пусть мрачен он, но знаю я-
И в мрачном тоже есть добро!

Ко дню рождения, посвящается...

Полюбив тебя, я полюбила вечность,
Полюбив тебя, я стала ближе к Богу,
Не страшна мне больше бесконечность-
Это – та же самая дорога.
На неё вступаем мы с рожденья,
Этого никак не избежать,
Счастье – жить и за тебя молиться,
Чем с тобою мёртвым бунтовать!
Пусть летит молитва белой птицей
В самый дальний, радужный предел,
И крылом души твоей коснётся,
И вернёт покой, что ты хотел!
Раз в году, в день твоего рожденья,
Буду ждать с молитвой возвращенья,
Пусть на миг, и лишь во сне вернёшься,
Ты войдёшь и робко улыбнёшься,
И тряхнёшь кудрявой головой,
Брызнет счастьем взгляд твой голубой,
Целый миг! – и вновь умчишься в вечность,
И опять меж нами – бесконечность,
Но чудесный миг, и только мой,
Воцарит в душе моей покой!

Сон

Однажды мне приснился странный сон,
Самой судьбой был в шутку послан он,
А может, странности и нет в нём никакой:
Джим Моррисон во сне явился, как живой,
И ситуация житейская такая-
Ему пиджак мы в магазине выбирали.
Он примерял различные модели,
И наконец, нашли мы, что хотели:
Оранжевый пиджак горит, как солнца жар,
И по нему бегут квадрат, и куб, и шар,
Меж ними облака и рек журчащих воды,
И много разных изысков природы,
В нём столько- света, радости для глаз,
А главное, ему он в самый раз!
Откинув локоны на золотые плечи
И оглядевшись в множестве зеркал,
Себя почувствовал он будто легче,
И понял: это то, что он искал!
Не отрывая глаз от чудного наряда,
Мне стало тяжко от пронзительного взгляда,
Напротив, у стены большого зала,
В тумане, или это просто дым,

Памелла одиноко наблюдала,
Ревнивым взором следуя за ним...
А, он обновке рад- её не замечает,
Из кожи куртка брошена лежит,
В торговом зале тишина стоит,
И часто, как во сне это бывает,
Вдруг всё куда- то кувырком летит,
И солнца луч меня уже ласкает,
И новый день смеясь в глаза глядит...

Возвращение

Вот, и снова стучит твоё сердце
В моих робких, угрюмых стихах,
Ты шагаешь по белым страницам
В чёрной коже с блокнотом в руках.
Жжёт лицо Калифорнии ветер,
Спутал чёрные кудри твои,
Нелегко вам живётся на свете,
Как свободу делить на двоих?
Но, однажды, меж тем, как на море
Озорник надувал паруса,
Одинокий, в Париже от боли
Ты устало закрыл глаза...
И, теперь от страданий свободный,
Ты гуляешь по небесам,
Ну а, ветер, бродяга безродный-
По пустыням и синим лесам.
Он стался в шальном разгуле-
В целом мире – совсем один,
И с деревьев листья срывая,
В безутешной тоске завывая,
Шелестит твоё имя, Джим...

По песчаному пляжу «Венеции»

По песчаному пляжу Венеции,
Где на закате веселится лёгкий бриз-
Одинокий Адонис шествует,
Исполняя судьбы каприз.
По песку остывшему ступая,
Устремив на небо синий взор,
Он мечтал, а звёзды вышивали
Его жизни сказочный узор...
Первый узелок- не просто встреча,
Увлечённых музыкой ребят,
В этот роковой июльский вечер
Встретились поэт и музыкант!
Их совпали мысли и желания-
В музыке достичь сиянья звёзд,
И раскрылись двери восприятия,
И на свет явилась группа «Дорс»!
Вот на сцене ангелоподобный
Шоумен вещает миру рок,
Он «король рептилий»,
Этот образ вышит звёздами,
Как новый узелок.
Всё он может, всё ему подвластно,

Он, когда на сцене- просто Бог!
В жизни- это хрупкое создание
С нежною душою, как цветок,
Опалённый огненным сияньем,
Бремя славы выдержать не смог,
И цветок увял, а звёзды ночью
Вышили последний узелок...

Ты прекрасен в любом окруженье...

ты прекрасен в любом окруженье,
но прекраснее в воображенье
тех, кто верит, что, где- то живёшь:
вот сейчас по аллее идёшь,
в жёлтых листьях неспешно ступая,
свежий воздух осенний вдыхая,
достаёшь из пакета тетрадь,
чтобы мысли туда записать.

ты прекрасен в любом окруженье,
но прекраснее в воображенье
тех, кто верит, что, где- то живёшь:
вот сейчас ты на сцене поёшь,
нежно держишь в руках микрофон,
сладок всем психоделики сон,
образ твой обречённо усталый
вызывает восторг небывалый.

Ты прекрасен в любом окруженье,
Но прекраснее в воображенье
Тех, кто верит, что, где- то живёшь:
Вот теперь на шамана похож,

В ритуальном экстазе кружишься,
В царство мёртвых прорваться стремишься,
Посылаешь магический зов,
Возмущая суровых богов.
Ты прекрасен в любом окруженье,
Но прекраснее в воображенье
Тех, кто верит, что, где- то живёшь:
С вечеринки устало бредёшь
В Ла- Сеньега, и помнишь едва
Номер комнаты свой тридцать два,
Дверь захлопнув, валишься в постель,
До сих пор тебя помнит отель.
Ты прекрасен в любом окруженье,
Но прекраснее в воображенье
Тех, кто верит, что, где- то живёшь:
Вот сейчас о солдате поёшь,
Грянул выстрел– ты рухнул на пол,
Но и лёжа поёшь в микрофон,
Крик победный взорвал тишину:
Ты всегда ненавидел войну.
Ты прекрасен в любом окруженье,
Даже там, где огонь и движенье
Просто мёртвая буква и дым,
Ты прекрасен на кладбище, Джим!
Окружают тебя сплошь таланты,
Всё художники и музыканты,

Полководцы, поэты, артисты,
Что покоятся лет уже триста,
Просияв каждый в жизни земной,
Обрели здесь последний покой.
Ты прекрасен в любом окруженье,
Потому что огонь и движенье,
Лунный свет, и любовь, и напалм
Ты обрушил на головы нам!

Джим и Мик

Солнцем Калифорнии согретый,
Но стихов не пишет он о свете,
Редко, на мгновенье солнца луч
Улыбнётся робко из-за туч.
Здесь Царица Ночь сидит на троне,
И в её подвластном легионе
Те, кого пугает солнца свет,
Все ей дали верности обет:
Сонмища шаманов и колдуний,
Зрящих сквозь столетия ведуний,
Одинокий путник среди них -
Сам поэт, и он же – Лизард Кинг.
Англия туманная, сырая
Для него она – страна родная,
Его песни вот уже полвека
Словно солнце греют человека,
Он рассеял тьму, но этот свет
Бунтом окрестил истэблишмент.
Занавес за прошлым закрывая,
В будущее взгляд свой устремляет,
День ему вчерашний скучен, пресен,
Только – завтрашний безумно интересен,

Превратится завтра во вчера,
И опять продолжится игра,
Здесь не физики законы, здесь успех,
«камни» катятся не вниз, а вверх!
Словно, день и ночь, Луна и Солнце
В каждом воцарились во плоти,
Но когда Любовь в тебе проснётся-
Ты пойдёшь, они лишь позови,
За собой по улицам Любви!

Ты- моя депрессия...

Ты- моя депрессия, ты- моя тоска,
Небо ты не синее, небо- в облаках,
Если ночь, то- тёмная, нет её черней,
Если день, то- пасмурный, нет его скучней,
Если дождь закапает- две недели льёт,
Ветерок- не ласковый, а одежду рвёт,
И, не тихо падает и ложится снег-
Выюги бег отчаянный и злорадный смех,
И луна ущербная смотрит свысока,
Ты- моя депрессия, ты- моя тоска...

Фантазия на стихотворение Джима Моррисона «Лошадиные широты»

Ужасом глаза мои наполнив,
Беззащитны в логове стихии,
Бьются в тёмных водах, тонут кони,
Умоляя ржанием, спасти их!
Ног не разбежать в морской пучине,
Вяжут многотонные оковы,
Не скакать свободным по равнине,
Не нужны коню теперь подковы!
Распустилась по воде, чернеет,
и намокла шёлковая грива,
никогда уж больше не сумеет
ветер приласкать её игриво!
И стальная грудь уже бессильна
Разорвать объятия стихии,
Бьются в тёмных водах, тонут кони,
Умоляя ржанием спасти их...
Роковая водная стихия
И твоей судьбой навеки стала,
Словно мать любимое дитя

В белой колыбели укачала.
Тихо спишь, ласкаемый водою,
Локоны рассыпались на плечи,
Дионис, облитый чёрной кожей,
Пир оставил, и погасли свечи,
Двери восприятия закрылись,
Сердце твоё биться перестало,
Роковая водная стихия
И твоей судьбой навеки стала...

Неистовый, правдивый, роковой...

Неистовый, правдивый, роковой,
Бесстрашный, с переломанной судьбой!
Взял проклятый поэт себе девизом
Разоблачать без всяких компромиссов,
Разоблачать себя и мир насквозь порочный,
На сцене оказавшись, как нарочно,
Меж песен, а, когда и прямо в них,
Внедряет обличительный свой стих!
Ему не по нутру таких вещей природа,
Когда народом истребляются народы,
И генералы, славы что алкают,
На гибель верную мальчишек отправляют,
Когда свободен человек, себе хозяин,
А жизнью собственной, увы, не управляет,
Чужой сценарий и навязанная роль
Ему милее, чем своя, родная боль!?
Неистовый, правдивый, роковой,
Бесстрашный, с переломанной судьбой,
Ты выбрал жребий собственной рукою,
Лишая общество желанного покоя,
Вскрываешь язвы и пускаешь гной
Своею нерифмованной строфой!!!

Если бы...

Если бы тебя любили в детстве,
Если б не пустыня по соседству,
А цветущий яблоневый сад
Ранним утром радовал твой взгляд,
Если бы с индейцами фургон
Был не явь, а просто детский сон,
И шаман, увиденный тобой,
Так не управлял твоей судьбой,
Если бы кровавая война,
А причина ей всегда одна,
Не столкнула тысячи солдат,
Землю превратив в крошечный ад—
Ты бы был подобен райской птице,
Опуская томные ресницы,
Нежно обвивая микрофон,
воспевал бы лишь любовный сон.

Мне тебя бы оставить в покое...

Мне тебя бы оставить в покое,
Не смотреть и не слушать, нет!
Оборвать, не тянулась чтоб более
Вереница бессмысленных лет.
Мне тебя бы оставить в покое,
О тебе ничего не писать,
Мне бы взять и не чувствуя боли,
Эту книгу Любви разорвать!
Разорвать, растоптать и развеять,
Пусть бы прах в поднебесной исчез!
Нет, пусть лучше он ляжет на землю,
На могиле твоей, в Пер- Лашез...

Ко дню смерти, 3 июля 1971. Вечная память (2018 год)

Вечная память- это когда тебя нет давно,
А те, кто остались помнят и любят тебя всё равно.
Кто-то сказал из поэтов, что долго ни что не живёт,
А только поэзия с песней кочуют из рода в род.
Вечная память- другая, если в жизни ты был артист:
Можно послушать пластинку, или поставить диск.
Только игла коснётся, как чёрный виниловый круг
Голосом отзовется из Калифорнии вдруг!

Тянет пустынным зноем, молодёжь с нетерпением ждёт
На площадке «AUDITORIUM» группа «Doors» свой концерт даёт.

На залитую солнцем сцену, словно ночь опустилась на час,
Опьянённому музыкой залу, был «The End», как магический глас.

Пел шаман- и в глазах его звёзды всем дарили волшебный свет!

Танцевал – и взлетало к солнцу его тело, которого нет!

По плечам рассыпались кудри, что лежат под могильной плитой!

Лишь на долгую вечную память мне останется голос

ТВОЙ...

Часть вторая

Ностальгия

Июльской ночью по тропинке Пер- Лашез
Мне как-то довелось идти одной,
Где, как ни здесь и в это время года
С восторгом можно насладиться тишиной!
В глубь кладбища неспешно удаляясь,
Оставив шумный город позади,
Прохладой и покоем наслаждаясь,
Услышала я что-то впереди.
Замедлив шаг, взглядевшись в сумрак ночи,
Прошу я сердце свой умерить стук,
Сова бесшумно с дерева слетая,
Своим крылом меня коснулась вдруг,
И, спрятавшись за белую колонной,
Я превратилась в зрение и слух,
Как выхватив из тьмы одно надгробье,
На нём луна свой очертила круг.
Сбылось ли моё тайное желанье,
А может наяву я вижу сон?
В кругу мужской фигуры очертанье,
Стоит луною призрак освещён.

Вот чудо! Кто же он?
Ведь здесь приют последний
Нашло немало гениев земных:
Мольер, Шопен, Уальд и много прочих,
При жизни признанных кумиров среди них.
Мой призрак молод и хорош собой,
Высокий, стройный, и с кудрявою копной,
Немного бледен, в чёрном одеянье,
Казался, как живой при тусклом звёзд мерцанье.
Он опустился на своё надгробье,
Рукой нащупал- вспыхнул огонёк,
И появился голубой дымок,
И мне подумалось, что после погребенья,
Наверно, кто-нибудь изрядно перебрал,
А не имея сил уйти со всеми,
До полночи на кладбище проспал,
И был он, видимо, не робкого десятка,
Что смог уснуть на кладбище так сладко,
И пробудившись, вмиг не поседеть,
Куря спокойно, на надгробии сидеть.
Тем временем мой призрак докурил,
Привычным жестом сигарету погасил,
И на темнеющий восток взглянув тревожно,
Меж плит гранитных начал пробираться осторожно,
И я путём окольным, но одним,
Не отставая следую за ним.

Немало времени прошло, как мы в пути
И Пер- Лашез остался позади.
И вот, вступив в неоновый чертог,
Он, изумившись, двинуться не смог!
Каким всё это создано творцом?
Как город изменил своё лицо,
С тех пор, как сорок лет тому назад
Его объятьям был поэт- изгнанник рад!
Был счастлив отдыхать под сенью лип,
Писать стихи под их тяжёлый скрип,
Рисунок жизни ткать в душе своей
В уютном сквере, возле маленьких детей,
С улыбкой наблюдать их милую возню,
Усевшись на скамью любимую свою,
Их слушать звонкий смех, и строгий окрик мам ,
И забывать о том, как был несчастлив сам.
И вот, рекламной освещённый синевой,
Джим Моррисон стоял передо мной!

Явился он в Париж, тоской гонимый,
Чтобы взглянуть на город свой любимый,
Пройти по улицам, найти знакомый дом,
И посидеть за письменным столом,
Тем самым, кожей, что стоит покрытый,
На сорок лет поэтом позабытый,
Где утомлённый жизнью как старик,

Он под окном писал парижский свой дневник
О наблюдениях своих последних дней,
Теплом согретый солнечных лучей.

Страхнув задумчивость, он двинулся вперёд,
Шагая сквозь гуляющий народ,
Никто не смотрит вслед, автограф не берёт,
В туманном образе его не узнаёт.
Давным- давно об этом он мечтал,
Чтобы его никто не узнавал,
С себя рок- музыканта скинуть бремя,
И отдохнуть от славы хоть на время,
И положив себе вернуться на заре,
Он зашагал до округа Маре,
Где должен был в изгнании скрываться,
В четвёртом этаже, на Ботрейи, 17.

На площади Вогезов он умерил шаг
От боли, что стрелой пронзила так,
Как будто он опять назад вернулся,
В тот жаркий летний день, Париж июльский,
Когда отправился он с другом прогуляться,
Вдруг побледнел и начал задыхаться.
Боль отступила, он пошёл быстрее,
И вот уже перед знакомой дверью,
Не нужно призраку её открыть стараться,

Он сквозь неё прошёл, а мне пришлось остаться.

По деревянной лестнице поднялся,
И у своей квартиры оказался.
Открылась дверь и робко он вошёл,
Чуть скрипнул под ногой паркетный пол...
Рельефы чудные из гипса на стенах,
В гостиной- небо всё в пушистых облаках,
Камин изысканный из мрамора блестит,
И стол знакомый чёрной кожей покрыт,
И роскошь мебели в античном стиле,
Всё здесь по-прежнему, в его квартире.

Он побродил по комнатам, потом
Расположился в кресле, за столом,
И закурил, в воспоминанья уплывая,
Чудесную луну в окошке наблюдая,
В далёкий мир, в котором рок- звездой
Был обречён сиять самой судьбой...

Быть может, ты достоин лучшей доли,
Но мало вас таких, что с доброй волей
Готовы за идею жизнь отдать,
С собой и целым миром бунтовать,
Жить без оглядки и за грань стремиться,
На грани жить, гореть, сверкать, искриться,

Внедряться в суть вещей, весь мир в себя вбирая,
Гореть, сверкать, искриться, даже умирая!

Но вот уже бледнеет небосвод,
И тает звёзд чудесный хоровод,
И подарив ему прощальный взгляд,
Луна снимает свой чарующий наряд,
И новый день стал силы набираться,
И понял он, что надо собираться,
Чтобы успеть домой, в свой вечный дивный мир,
Где есть один – единственный кумир!!!

Июльский полдень, кучка иностранцев
Ждёт с нетерпением на Ботрейи, 17,
Чтоб только на мгновение взглянуть,
Где их кумир ушёл в последний путь.
Их провели по лестнице, они,
Теснясь в квартиру вшестером вошли,
И с жадною тоской по сторонам взирая,
Представили себе, как умирает
Любимый музыкант, талантливый поэт,
В карманах пиджаков, храня его портрет.
И ванную с печалью покидая,
Всё рассмотрели, ничего не пропуская,
Все добрались до комнаты потом,
В которой стол и кресло под окном...

Здесь, в каждой строчке, появившейся на свет,
Об одиночестве своём кричал поэт!
Устал романтик, и огонь его угас,
И пусть не покори́л сверкающий Парнас,
Но в сердце он мальчишки – бунтаря,
Который прилетел в Париж не зря,
Не верил никогда он в смерть поэта:
« Джим Моррисон – живой! Я знаю точно это,
Он, как Артю́р Рембо, устав от славы скрылся!»
А на столе, что под окном стоял забытой сигареты
Белый дым струился...

Дом на холме

Когда музыка смолкнет, станет в доме темно,
Подкрадётся луна и заглянет в окно,
Но тяжёлых портьер своей нежной рукой
Ей, увы, не поднять, не нарушить покой.

Будет дождь барабанить – слёзы льются рекой,
Но и он не нарушит в этом доме покой.
Злая тройца – выюга, буран и метель
Снежной грудью своей напирают на дверь,
Сыпят в ночь ледяные проклятья свои,
От бессилья, что дверь отпереть не смогли.

Разбежалась волна, исподлюбья глядит,
Но луна ей серебряным пальцем грозит,
И тогда, опустив свой лазоревый взгляд,
Повинуясь, волна отступила назад.
На полнеба шаги, распоров небеса,
Ослепительным гневом пылают глаза,
Где пройдёт, там останется дым голубой,
Ну, а в доме царят тишина и покой...

В этом доме живёт одинокий поэт,

Он оставил ещё молодым этот свет,
Здесь привычкой хозяина дышит уклад:
В беспорядке повсюду пластинки лежат,
И на полках, где только задержится взгляд –
Золотистым тиснением книги блещут,
Ну, а что не вместились – стоят под рукой,
В картонных коробках, одна на другой,
Абжур на столе сеет зелень кругом,
И уютней от этого кажется дом,
А с плакатов, давно потерявших свой цвет,
Улыбаются лица тех канувших лет...

В белоснежных одеждах, окружённый теплом,
Над тетрадью склонившись, он сидит за столом,
И рассыпались кудри по красивым плечам,
А в рассеянном взгляде притаилась печаль...

Этот дом на холме, безмятежный покой-
Не смогли погасить в его сердце огонь!
« Несвобода! » – нет слова страшней для него!
Он сегодня не смог написать ничего,
И оставив тетрадь, он откинул перо,
А луна, ожидая, смотрела в окно...

Вот уж ночь удалилась в покои свои,
И собой прихватила волшебные сны,

Новый день пробудился, и нежным теплом
Поспешил отогреть на холме старый дом.

Солнца луч – он привык проникать сквозь стекло,
Удивился, увидев открытым окно,
Занавесок коснулся, прошёл по стене,
И в тетрадь заглянул, что лежит на столе,
Улыбнулся ему каждый здесь уголок,
Лишь улыбки поэта он видеть не мог,
Не коснулся сегодня он чёрных кудрей,
На полу одеянье, что снега белей,
Этой ночью оставил он дом на холме,
И свободный гуляет теперь при луне...

Творческий вечер. К 75 – летию со дня рождения поэта

Джеймса Дугласа Моррисона, посвящается

...

За окном непогода злится,
Дождь в окно барабанит- стучится,
Ветер воет бездомным псом,
Жаль бродяг, не имеющих дом,

Как чудесно сидеть у камина
С чашкой кофе, так пахнувшим дивно,
В мягком кресле, ненастным днём,
В тишине любоваться огнём.

Он- же словно беседует с вами,
Ворожит золотыми перстами,
Говорит, и трещит, и искрится,
Так в беседе своей распалится,
Только слово скажи не по нём-
Загорится всё синим огнём!
Страстен, ярк, горяч и красив,

С наслаждением люблюсь я им!

Кто- то стукнул два раза в окошко,
Ушком бархатным дрогнула кошка,
Спрятав мордочку лапкой своей,
В ожиданье незваных гостей.
Постучали опять в нетерпенье,
Я бесшумно направилась к двери,
По пути заглянула в окно,
На дворе уже было темно...

В этот миг, словно меч самурая-
Полоснула от края до края,
Ярко вспыхнула вдруг-
Осветилось всё белым вокруг!

Дверь открылась: стоит на пороге
Чужестранец, одетый убого,
Старый плащ весь до нитки промок,
Кто скитальцу помочь бы не смог?
Ведь сказал нам Господь: «В час любой
Постучусь Я – и дверь мне открой.»

Я впустила его- он вошёл,
Снял, промокший насквозь капюшон,
Плащ повесил на гвоздь у дверей,

И его провела я скорей
Прямо в комнату, ближе к огню,
Он дрожал, было зябко ему.

Наливаю для гостя вино,
Меня мучает только одно,
Его сходство с любимым поэтом,
И ушедшим из жизни давно:
Кольца мокрые чёрных кудрей,
Синий взгляд из-под тёмных бровей,
Скулы кельтов и чувственность губ
Его спутать ни с кем не дадут!

Нет, мираж! Мой скиталец- старик,
Головою седою поник,
У камина он в кресле сидит
И на пламя устало глядит.

Я вина предложила ему,
Он в ответ благодарно кивнул,
Взял бокал, и с восторженным чувством
Тост сказал: «За бессмертье Искусства!»
И бокал был осушен до дна,
Я ещё предложила вина.

Оказалось, большой он знаток,

Знает в книгах и музыке толк,
Обучался искусству кино,
Был поэтом когда-то давно,
Даже пел, но оставил он лиру
И полвека кочует по миру.

Завязался у нас разговор
О поэзии, что: «С давних пор
Глас поэта есть времени крик!»
Мне волнуясь, поведал старик.

Оказалось, пристрастьем его
Был поэт символизма Рембо.
«Так зажѐг свой огонь юный гений,
До сих пор череда поколений
Согревается этим теплом!» -
Вспоминал он с любовью о нём.

Увлечѐнный трудами Рембо,
И познавший себя самого,
Предаваясь греху до предела,
Жизнь на грани – поэта уделом
Он считал, что вот- тьма, а вот- свет,
А меж ними есть двери- поэт!
«Только были бы двери чисты,
И тогда воплотятся мечты,

Всё предстанет тогда человеку
Бесконечным течением века!» -
Он сказал. «И ещё один тост:
За поэзию пью!» – произнёс.
«Пью за проклятых всеми поэтов,
Прокажённых, правдивых эстетов,
Что явились причиной всех зол,
Сняв с порока блестящий камзол
И напудренный ложью парик,
Вызвав гнев фарисеев и крик!
Поднимаю бокал за Рембо,
Малларме, Лиль- Адана, Бодлера,
За Корбьера и Поля Верлена!
Жизнь свою, посвятившие Лире,
Пусть их души покоятся с миром!»
И бокал, как и прежние два,
Стариком был осушен до дна.

Попросив закурить разрешенья,
Погрузился в свои размышленья,
Выпуская колечками дым.
В этот миг захотелось мне с ним
Поделиться и всё рассказать,
Как стихи начала сочинять,
И есть тоже любимый поэт
У меня, и уже много лет,

Как он умер, но всё – же любим,
Что себя рядом чувствую с ним.

Он по жизни промчался кометой,
И, увы, не дожил до рассвета,
Что был дерзок, талантлив, правдив,
Как ребёнок душою раним,
Шёл по краю всегда, не боялся,
Верил в Бога, и всё – же старался
Прямо бездне в глаза заглянуть,
Но Господь сократил его путь,
Дав вкусить ему славы земной,
Ожидал его в жизни другой.
Как семь лет безнадёжной дороги,
Что мостилась стихами любви
Вперемешку с молитвой убогой
Прямо к Богу меня привели!

Гость спросил: «Как- же имя поэта?»
Между тем закулив сигарету.
Я ответила, и в тот же миг
Показалось мне вздрогнул старик,
Удивленье явилось в глазах,
Но собравшись, он тут – же сказал:
«Много в жизни я знаю кого,
Но не слышал о нём ничего.

Вы прочтите свои мне стихи,
Не волнуйтесь, что может плохи,
Пусть пылает всё синим огнём –
Интересно узнать мне о нём!»
Всем, кто пробует только перо,
Так приятно, что дали «добро»
Сбросить ком стихоплётный с души,
Так приятно, ну просто пляши!

Я стихи принесла, а вино
Гость разлил по бокалам давно.
Отказавшись хоть что-нибудь скушать,
Он готов был внимательно слушать.
«Чудеса! Не одна у камина,
И без кофе, так пахнувшим дивно,
А с бокалом вина, и злой ветер
Не испортит мой творческий вечер!
И немало волнуясь, тетрадь
Я раскрыла и стала читать.

О, стихи, мои чудные дети,
Бесполезно живёте на свете!
Вспоминаю Уальда подчас-
Лишь любовь оправданье за вас!

Я читала, тетрадку листая,

Он на пламя смотрел не мигая,
Иногда бросив взгляд на меня,
Что за взгляд! – он был полон огня.
Вот и «Зов»! – это страстный призыв,
Одинокое сердца порыв.
« Джим, явись и возьми микрофон,
Спой, как прежде, зажги свой огонь!»
Этот стих – одиночества крик,
Видно, в гостя он тоже проник:
Он поднялся и встал у окна,
За окном пробивалась луна
Сквозь обрывки седых облаков,
Освещая мой призрачный кров.
Он стоял у окна и курил,
Лунный свет его лик серебрил,
Его образ казался незримым
И живым воплощением Джима...
«Где ты, Джим?» – и закапали слёзы –
«Трудно жить и беседовать с грёзой,
Никогда не увижусь я с ним!
Пусть покоится с миром мой Джим!
Буду помнить и ночью, и днём,
Буду просто молиться о нём!

Гость меж тем докурил сигарету,
И сказал: «Надо выпить за это!»

И бокалы наполнились вновь:
«Пью за странную вашу любовь!
За любовь, что всему оправданье,
За любовь, что поможет в изгнанье,
За любовь, что надежду даёт
И погибшим спасенье несёт!
Ведь, Любовь – это Бог, Он – во всём,
Лучше, я прочитаю о нём
Небольшое одно сочиненье,
Строчек в несколько стихотворенье,
Что давно появилось на свет,
Когда видел я мир, как поэт.

«Мой Господь – везде, во всём,
Он – в тебе, во мне, и в нём,
В сочных травах, и в цветках,
В белоснежных облаках,
Он – вершина снежных гор,
Он – сырой дремучий бор,
Он – восход, и он – закат,
Он – ревущий водопад,
Он – на дне морских глубин,
Он – велик и Триедин,
Он – начало и конец,
Мироздания – Творец,
И всего того не счесть,

Где Его дыхание есть!!!»

Он закончил и начал прощаться,
Я его попросила остаться.
«Хорошо, я не прочь отдохнуть
До утра, но потом уже в путь».
Сбросив куртку, расположился
На диване, и пледом укрылся.
Я пошла в свою комнату, только
Спать не хочется кошке нисколько:
Пробежала по спинке дивана –
Покосилась картинная рама,
Чуть задетая пышным хвостом,
Собралась – и прыжок совершён.
Здесь, на книжном шкафу – не достать,
И за спящим легко наблюдать!
И уселся восточный божок,
Уложив хвост пушистый в кружок.

Ночь закончилась, утро настало,
От ненастья следа не осталось,
И на стёклах ночные дождинки
Превратились в хрустальные льдинки,
И на солнце сверкают так чудно!
Как прекрасно, морозное утро!
Небо синее, тихо кругом!

Было тихо и в доме моём...

Я – в гостиную: странника – нет,

На диване – мой свёрнутый плед,

И записка лежит на столе,

Тут тоска шевельнулась во мне:

«Спасибо за приют и творческий ваш вечер!

Молитесь обо мне...

Джим Моррисон, до встречи!»

Я отмолю тебя в стихах,

Раскаюсь за тебя в грехах,

И лучезарный взор Творца

Коснётся твоего лица!

К 49 – ой годовщина смерти 3. 07. 2020 год

Ты – вечно молодой, такой красивый!

А, я увы – смотрю с тоской ревнивой,

Как ты поёшь, танцуешь и в огне живешь,

Влюбляешься, страдаешь, виски пьёшь;

Добившись славы, топчешь в грязь венок,

Бросаешь всё, свободен, одинок

Несёшься прочь, ломая жизни круг,

Себя сжигая самого и всё вокруг!

Живи всегда, и вечно молодой

Танцуй – же, Моррисон горящий танец свой!